

Слово редактора

ФЕНОМЕН ДОНОСА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЦИНИЗМА

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: *На примере доносительства в статье анализируется феномен государственного цинизма как один из ключевых способов бюрократического управления полицейским государством. Исследуя исторические формы доноса и проявления государственного цинизма, автор выявляет зависимость между круговоротом государственного насилия, степенью развращённости спецслужб, и «благонамеренными идеологическими поделками» пропагандистской машины государства.*

Ключевые слова: *бюрократическое управление, полицейско-бюрократическое государство, государственный цинизм, полицейский аппарат, доносительство.*

Ранее я проанализировал мемуары руководителей политического сыска Российской империи и на этой документальной основе высказал гипотезу: русская душа — это особая predisposition к доносительству [Макаренко 2014]. Таков мой крохотный вклад в теорию русской души, о которой на протяжении последних двадцати лет пишут целые тома, но этот ее «заветный уголок» посещают мало. Теперь надо проверить гипотезу. Провести эксперимент в виде написания доноса ради практического обзаведения русской душой у меня духу не хватает. Приходится ссылаться на суждения «бойцов невидимого фронта» и научные исследования.

Потёмки русской души

Бывший руководитель внешней разведки КГБ СССР отмечает, что с работниками КГБ делятся информацией две основные группы людей: те, кто давно привык доносить; те, кто не может найти выход сомнениям в новой обстановке и нуждается в надёжном понимающем собеседнике. В составе второй группы он особо отмечает нынешних «народных избранников» и констатирует: «Доносительство было всегда неотъемлемой чертой российской политической и интеллектуальной жизни и, видимо, останется элементом „духовности“, о которой сейчас так много и жарко говорят» [Шебаршин 2002: 312, 319, 329, 377, 346].

Приятно, что моё отношение к проблеме «духовности» совпадает с мнением профессионального разведчика. Я уже почти сорок лет говорю профессору Игорю Дмитриевичу Коротцу, что от «духовности» дурно пахнет, поскольку я давно читаю газету «Советская Рос-

сия» и журнал «Наш современник». А теперь уже твердо знаю, что в феномене доноса мы сталкиваемся с современными духовниками и их паствой. Значит, для описания данного феномена надо углубляться в особенности первобытных форм религиозного отношения к действительности, среди которых особая роль принадлежит фетишизму. На это я тоже не способен по причине застарелой и безнадежной безрелигиозности, т. е. бездуховности.

Зато давно умею читать. Прошлым летом проштудировал монографию В.Д. Игнатова на тему доносительства [Игнатов 2014: 61, 79, 180–195, 410–414]. И накануне Рождества Христова спешу поделиться с читателями накопленной мудростью. В книге описана всеобщая история доносительства, стукачество в дореволюционной России и в СССР, нынешний уровень стукачества. На энциклопедию книга не тянет. Зато позволяет прочесть курс лекций для настоящих и будущих доносчиков, а попутно обосновать мою гипотезу. Для начала воспользуюсь аргументами В.Д. Игнатова.

В старом русском праве донос квалифицировался как сообщение властям о готовящемся или совершенном преступлении. Современное значение слова отрицательное. Поэтому В.Д. Игнатов поставил перед собой цель — реабилитировать донос и осудить стукачей. Посмотрим, как это ему удаётся.

На основе описания фактов доносительства и фигур доносчиков в Древнем мире и в Древней Руси автор заключает: от доносов больше вреда, чем пользы. Но на Руси доносительство стало массовым явлением. Его основными причинами были рабство и полная зависимость людей от государства. Жестокими законами и репрессиями государство создавало условия, при которых бесправные подданные были обязаны доносить, боясь потерять свободу и даже жизнь. Донести мог каждый на каждого, это растлевало людей. У российских подданных закреплялся условный рефлекс: донесёшь властям на кого-то — получишь в награду часть его имущества. В полной мере действие этого рефлекса проявилось в Советском Союзе.

Стукачество в дореволюционной России тоже было разнообразным. В.Д. Игнатов описывает работу полиции с осведомителями, знаменитых осведомителей и их кураторов, процессы разоблачения осведомителей. Позиция автора наталкивает на раздумья: «С увольнением Зубатова, — пишет он, — рушилось и его дело... В принципе верная его идея реализовывалась казённым, полицейским подходом. Для профессионального русского рабочего движения в нужный момент не нашлось национального, общественного вождя. Не выделило такого реформатора из своих рядов и правительство».

Иначе говоря, полицейский социализм в России квалифицируется как «верная идея». Такой вывод можно считать уже серьёзным вкладом в разработку идеологии доноса и вполне согласуется с «велениями времени», как писали в XIX веке.

Путеводной звездой здесь служит советская история, которая породила принцип: каждый коммунист обязан быть чекистом. В.Д. Игнатов описывает стукачество в годы Большого террора; поведение детей как доносчиков и преступников; стукачей в среде творческой интеллигенции; осведомительскую деятельность в армии; стукачество в местах заключения; агентуру в националистическом подполье. Надо признаться, что коммунистом я был, но ни чекистом, ни доносчиком, ни осведомителем, ни агентом не был. Достоинство это или недостаток? На вопрос в книге ответа нет.

Зато есть описание социального контекста вопроса. В книге приводится письмо Ежова Сталину об организации работы с осведомителями. В 1935 г. в СССР вплоть до каждого двора существовала сеть агентуры общего осведомления, насчитывалось примерно 500 тыс. сексотов. Сеть агентуры специального осведомления вербовалась в определённых слоях населения, которые знали специальные вопросы (данных о численности агентов автор не приводит). Сеть основной агентуры оплачивалась, сеть специальной агентуры работала бесплатно. Но

автор не приводит сведений, сколько, кто и за что получал, а также не сообщает бухгалтерские статьи и количество расходов государственного бюджета на эту деятельность. В результате такое важное направление, как политэкономия доносительства остаётся неосознанным.

При вербовке агентуры господствовал количественный подход: некоторые чекисты докладывали, что в день вербуют по 15–20 агентов. Кадры чекистов законов не знали, были людьми бескультурными. Книг в руки не брали, не читали ни политической и экономической литературы, ни беллетристики. В целом для чекистов характерно пренебрежительное отношение к чтению, культуре и знаниям¹. А «жены чекистов» стали нарицательным именем — по причине буржуазности и жадности.

Автор перечисляет причины массового доносительства: сведение счетов с неугодными людьми; решение служебных, личных и бытовых проблем с помощью доносов; страх; в доносах не видели ничего постыдного, поскольку они стали повседневностью; чекистам спускался план по посадкам, поэтому они заставляли писать доносы; коммунисты были обязаны проявлять бдительность в порядке партийной дисциплины; помощь органам безопасности считалась гражданским долгом.

В.Д. Игнатов приводит такую цифру: накануне распада в СССР с органами КГБ сотрудничало 2900000 человек. Одновременно он ссылается на публикации некоего анонимного полковника КГБ в отставке. Тот считает, что примерно 30% взрослого населения работало на КГБ. Статистические данные, — горюет Игнатов, — по такой интересной и деликатной проблеме не публикуются, поэтому трудно установить страну-чемпиона. К этому можно добавить, что из-за отсутствия компаративистики доносительства остаётся неизвестным, в какую сторону России модернизироваться...

В заключение автор неожиданно меняет пластинку. По его мнению, некоторые доносы в нашей истории играли положительную роль и способствовали власти более эффективно выполнять ее функции. Правда, автор не называет ни имён доносчиков и объектов доноса, ни времени и места, содержания и политических следствий доноса. Я думаю, что без таких данных трудно будет создавать геополитику доноса на евразийском пространстве.

В России до последнего времени, — сетует Игнатов, — не было ни дееспособного парламента, ни реально действующих органов местного самоуправления. Практически невозможно было демократическим путём исправить ненормальную ситуацию (заменить хамского секретаря обкома или вора-хозяйственника). Для среднего человека, — меланхолически констатирует В.Д. Игнатов, — твёрдая власть необходима, чтобы защищать одну часть общества от другой. Такая власть предпочтительнее безвластия и произвола. Она обеспечивает народу возможность выжить, а доносы служат ее укреплению. Иначе говоря, властно-государственные соображения оказываются средством реабилитации доноса. Надо будет предложить кому-то из аспирантов написать диссертацию для развития этой идеи.

Финальный аккорд книги ввергает нас в область нешуточной лингвометодологии. В.Д. Игнатов предлагает строго разделять понятия стукача и агента. Стукач — это человек, доносящий на ближнего с целью решить свои личные проблемы. Агент — это гражданин, общающийся властям о готовящемся или совершенном преступлении, что является долгом каждого гражданина в любой цивилизованной стране. Опрос фонда «Общественное мнение»

¹ В пятом классе я прочёл «Похождения бравого солдата Швейка». Там сообщается, что вахмистр Фландерка завербовал в платные доносчики и осведомители местного подпасака и кретина Пепка-Прыгни. А. Бовин тоже сообщает, что современные дипломаты и разведчики никакой литературой не интересуются, общая культура у них «ниже плинтуса». Нет ли в этом универсального закона, связывающего Австро-Венгерскую империю и СССР с современной Россией? На этот вопрос пусть ответят специалисты по сравнительной истории доносительства.

показывает, что 56% россиян готовы бесплатно представлять полиции информацию о готовящемся или совершенном преступлении, а 18% не стали бы этого делать. По его мнению, в здоровом и справедливом обществе вертикальные связи должны быть крепче горизонтальных. Поэтому автор предлагает доносить на соседей по дому, нарушающих порядок, на бездельников и бракоделов на работе. Надо делать все, чтобы государство стало родным домом, — ставит точку автор.

У меня не хватает ума, чтобы понять этот вывод, поскольку сленговое слово отождествляется с понятием, хотя они означают одно и то же. Я прореферировал основное содержание книги В.Д. Игнатова, чтобы проиллюстрировать влияние массового искусства на мышление людей, пишущих об этой интересной и щекотливой проблеме. Осуждение доносов в начале книги привело к их полному оправданию в конце. Значит, не зря миллионы людей до сих пор вдохновляются образами российских и советских «моих друзей иванов лапшиных» и штирлицев, а также закордонных шерлоков холмсов, ежедневно маячащих на телеэкранах. Под пером В.Д. Игнатова властно-государственные соображения оказываются не только главным мотивом романтизации профессии агента, но и решающим аргументом при реабилитации доносов дома и на работе. Поэтому надо поискать другие ключи анализа проблемы. Я постараюсь развить метафору государства как родного дома.

Родной дом

Для начала пошуршу цифирью, которую приводит В.Д. Игнатов. В 1990 г. в СССР было 138,5 млн человек трудоспособного населения. Если признать правоту некоего полковника КГБ, то надо предположить, что с КГБ сотрудничало не около трех миллионов, а не менее 40 млн. человек. Целая страна. Тогда, оказывается, прав профессор Преображенский, который предлагал в первые годы советской власти поставить городского рядом с каждым человеком. Предчувствие М. Булгакова подтвердилось.

Переведём эту примитивную пропорцию на уровень города Ростова-на-Дону. Получается, что не менее 300 тыс. наших земляков — стукачи, доносчики и агенты. Тогда окажется прав герой фильма «Ева хочет спать», который утверждал, что куда ни кинь — везде клин: «Враг подслушивает, подзуживает, подсматривает и подкапывается». Жителей нашего города придётся квалифицировать как сплошных явных и тайных чекистов, милиционеров, доносчиков и преступников. Тогда придётся передвигаться по улицам только ползком.

И политические аргументы для перехода в состояние пресмыкающихся есть. Л.А. Наумов показал, что инициатором преступлений 1930-х гг. был не только Сталин: «300000 репрессировано в результате превышения лимитов, принятого с санкции только руководства НКВД (или, что возможно, минуя эту санкцию)» [Наумов 2010: 15]. Иначе говоря, местное руководство органов НКВД (Северо-Кавказского, затем Азово-Черноморского края и Ростовской области) нередко оказывалось святее папы-Сталина, выступая инициатором превышения лимитов на репрессии. Но конкретных исследований в сфере политического регионоведения Ростова-на-Дону мне не попадалось². Поэтому сошлюсь на сведения о других регионах СССР.

Дж. Бурдс изучил механизм советской вербовки агентов в целях дезорганизации сопротивления на Западной Украине [Бурдс 2005: 300–338]. Уже в 1947 г. в каждом селе было не меньше пяти информаторов НКВД. Значит, надо обращать внимание на численность агентов в каждом поселении (городском и сельском) и в профессиональных группах³. Механизм советской вербовки агентов был необходимой частью тактики дезорганизации сопротивления.

² В изданной к 75-летию Ростовской области книге об этом ничего не сообщается [См.: Кислицын, Кислицына 2012].

Репрессивный аппарат использовал агентуру и сеть осведомителей для создания атмосферы всеобщей подозрительности среди повстанческих групп. Агентура стала тактическим оружием власти для провоцирования террора повстанцев, чтобы вбить клин между организованными силами повстанцев и их поддержкой среди гражданского населения. НКВД превращало непреклонных украинских националистов в своих агентов. Беспощадная логика операций агентуры была направлена на создание безвыходной ситуации у сопротивляющихся. У них оставался один выбор: сотрудничать с НКВД или умереть и подвергнуть репрессиям семью.

Удары имели гендерный характер. Вначале вся тяжесть режима обрушилась на мужчин. Женщины были более свободны в перемещениях. Поэтому подполье стало больше полагаться на женщин и девушек в выполнении своих задач. Так произошла феминизация украинского подполья. Однако женщины стали сотрудничать с НКВД и выдавать не только своих односельчан, но даже мужей и любовников. «Гендерный сдвиг в действиях повстанцев определял ответную советскую тактику: разрушать украинское подполье через их сети связи, состоящие в основном из женщин» [Бурдс 2005: 316]. НКВД использовало женщин и девушек для внедрения и последующей ликвидации повстанческих сил. При этом НКВД преследовало две цели: с помощью всеобщих арестов большевики подрывали повстанческий механизм проверки кадров, сея тотальное подозрение внутри подполья; они считали врагом каждую задержанную женщину, подвергая ее жестоким допросам, что способствовало превращению женщин в секретных агентов. Это сотрудничество вызывало ответную жестокость со стороны подполья. Любая капитуляция рассматривалась как акт предательства, за которым следовала смерть не только сдавшихся, но и членов семьи. Повстанцам запрещалось посещать своих жену, мать, детей, подруг.

«Организованный государством террор, с одной стороны, и репрессии повстанцев, с другой, оставили населению Западной Украины небольшой выбор, оно выработало тактику, общую для маргинальных групп, оставшихся в пограничных областях между двумя враждующими сторонами: в общественной сфере, по крайней мере, сотрудничать с любой из сторон как можно меньше» [Там же: 329]. В этой ситуации женщины вели себя двумя способами: руководствуясь заботой и любовью, они давали информацию о тех, кого любили и с кем были тесно связаны, чтобы те остались живыми; доносы часто были сделаны по требованию мужчин, которые хотели быть высланными в Сибирь.

Таковы были основные мотивы и типы доносов. Благородные чувства преобразовывались в массовое доносительство. Не этим ли объясняется стремление определённых сил стимулирование сегодня регионализацию Украины?⁴

«Массовый террор, аресты, заключение, пытки, насилие — всё это было частью советской тактики „дезорганизации“ базы врага. Советские репрессии были средством, но не це-

³ Между тем в «Донских рассказах» М.А. Шолохова ничего не сообщается о числе информаторов в донских станицах — районе, в котором Советская власть впервые столкнулась с не менее организованным сопротивлением, чем на Западной Украине. Не вытекает ли отсюда вопрос о том, что методы подавления сопротивления начали складываться на Дону? Эта мысль мне пришла в голову при изучении статьи Дж. Бурдса. Ведь Российская империя столетиями подавляла сопротивление казачества, в результате чего его представители уже в конце XIX века начали занимать ведущие посты в российской полиции и жандармерии. Исследований на эту тему мне не попадалось.

⁴ В книге Е.А. Глущенко показано, что Россия действовала в русле общеевропейской традиции колонизации. Туркменское племя иомудов отличалось свирепостью и наивностью. До выступления в завоевательный поход карательного отряда Головачева у них сложились дружеские отношения с оренбургскими казаками. Когда Головачев пошёл на них войной, иомуды обратились за помощью к оренбуржцам: «Мы поклялись с вами в дружбе и считаем себя вашими союзниками, но другое племя русских из Туркестана затеяло с нами войну, и мы считаем, что вы должны помогать нам против них, как и мы стали бы помогать вам против ваших врагов» [Глущенко 2010: 205]. Остаётся добавить, что такие речи сегодня приходится слушать с самых высоких правительственных и думских трибун России, не говоря о СМИ.

лью: они не были ни результатом жестокости личностей, ни целью сами по себе, но были частью преднамеренной кампании, призванной разрушить *самоидентификацию местных жителей*, вбить клин между организованным сопротивлением и „обществом в целом, и предотвратить дальнейшие действия оппозиции“» [Бурдс 2005: 335; курсив мой, — В.М.]. Органы МВД/МГБ использовали насилие в собственных личных и оперативных интересах⁵.

«Перед лицом организованного Советами массового террора местное население было лишено слова, запугано до покорности, часто оставаясь безмолвным десятилетия даже после прекращения насилия. Таков был весь смысл советского зверства: дезорганизовать местное население, лишить его любой надежды на эффективное сопротивление советской власти» [Бурдс 2005: 336]. Специальный замаскированный под повстанцев отряд МГБ регулярно терроризировал и насиловал местных украинских женщин.

Таким было «...институционализированное государственное насилие, в котором власть постоянно превращала абстрактную справедливость в конкретные акты насилия. Закон формулировался так, чтобы оправдать любой акт организованного государством террора» [Там же: 337–338]. Можно сказать, что таков общий закон деятельности советского государства, в котором осуществлялась вербовка агентуры для его потребностей.

С самого начала существования советской власти все сферы социальной жизни, социальные группы и государственные учреждения подвергались явному и тайному контролю. Как требовал Ежов, даже в сортирах (конечно, не во всех, а только в высокопоставленных, в соответствии с принципом: «Слово „частный“ (privy) означало то место, куда даже короли ходят в одиночку» [Кревельд 2006: 73]) был представитель органов. Обычно через отделы кадров он сотрудничал с руководством и партийными органами предприятия. Этот человек руководил группой информаторов, обеспечивавших неофициальную информацию о множестве сфер социальной и учрежденческой жизни. Декларативной целью сети информаторов была борьба с экономической преступностью (со времени создания ОБХСС) и идеологическими диверсиями (со времени создания 5 управления КГБ).

И хотя эти конторы не устранили ни экономической преступности, ни идеологических диверсий, они имели своих осведомителей на каждом предприятии. Внутренний шпионаж стал звеном экономической жизни. Исследование советской/российской экономики как элемента системы внутреннего шпионажа позволит понять причины приспособляемости данных органов, механизмы преобразования ОБХСС в ОБЭП, в том числе нынешнюю моду на разговоры об «экономической безопасности».

С. Грибкаускас сообщает, что КГБ располагал подробной информацией о заводских администрациях и настроениях руководителей. Залогом благонадёжности был высокий процент присутствия работников администраций предприятий в агентурном списке. В основном агентами были руководители (начиная с начальников цехов и отделов) и служащие, при минимальном участии рабочих. Эмиграция считала, что инженерные работники (по сравнению с гуманитариями) якобы плохо поддаются влиянию советской идеологии. Наоборот, представители администрации и ИТР сами искали пути сотрудничества с КГБ, надеясь извлечь из этих отношений административную пользу. Роли агента КГБ и представителя администрации завода были тесно связанными в одной личности в связи с личными надеждами на продвижение по служебной лестнице. Понятия «экономическая безопасность», «защита экономики», «идеологические диверсии» появились в риторике документов третьего отдела КГБ в конце 1970-х гг. Такова была реакция на деятельность «Солидарности» в Польше. Но реальные ме-

⁵ Алина Полкз, венгерский детский психолог, рассказала в своих мемуарах, впервые изданных в 1991 г., что она была изнасилована сотни раз советскими солдатами в 1945 г. Советские солдаты применяли особенно зверские репрессии к женщинам, подозреваемым в сотрудничестве с немцами (отрезали груди после изнасилования, обезображивали половые органы и проч.).

тоды работы практически не изменились, просто структура начала расти. В целом вмешательство органов госбезопасности в работу промышленных предприятий не способствовало их развитию и процветанию [Грибкаускас 2009: 253–278].

А. Бовин отмечает, что в последнее десятилетие ФСБ и ГРУ стремятся восстановить позиции, которые они занимали в штатных расписаниях посольств и которые в начале 1990-х гг. были сужены. С этой точки зрения идея повышения бдительности и безопасности есть «... возврат к тем временам, когда всех иностранцев считали потенциальными шпионами, а всех „совграждан“ — потенциальными предателями» [Бовин 2003: 293, 387]. Значит, поиск других направлений исследования необходим для уточнения подхода к феномену доноса.

При этом надо учитывать причины и последствия доносительства в уголовной сфере. Учёные-юристы и адвокаты требуют запретить использование органами правопорядка «негласной агентуры», поскольку «агенты» провоцируют людей на преступление. Значительная часть граждан оценивает сотрудничество со спецслужбами как позорное явление. Россия здесь опирается на советский опыт. И.В. Говоров проанализировал положительные и отрицательные стороны агентурной работы в период наибольшего ужесточения тоталитарного режима и пришёл к важным выводам, которые не учитываются в монографии В.Д. Игнатова [Говоров 2004: 109–119].

При вербовке «негласных сотрудников» НКВД использовались три метода: идейное убеждение (при вербовке осведомителей среди работников торговли); материальный интерес (большинство осведомителей работало за продукты, карточки, деньги); компромат толкал на сотрудничество представителей «блатного сообщества» и «теневого экономики». Это породило ряд негативных сторон всей агентурно-осведомительной сети: неработоспособность части информаторов отражала главный принцип ее формирования — количественный рост для галочки; двурушничество — преступники шли на вербовку с целью использовать покровительство милиции для прикрытия своей преступной деятельности и ликвидации конкурентов; многие осведомители были не просто преступниками, а главами уголовных банд; провокация — сами оперативные работники выступали организаторами преступления и пытались спасти агентов от уголовного преследования; разврат органов — присвоение средств для оплаты агентуры, пьянки оперработников с осведомителями, интимные отношения с женщинами-осведомительницами, получение взяток за прекращение уголовных дел.

Административные меры борьбы с этими явлениями результата не дали. Такая ситуация сохраняется и сегодня.

Она объясняется круговоротом насилия, инициатором которого тоже стало государство. Граница между государственно-правовым насилием и частнопредпринимательской уголовщиной постоянно нарушалась следующими процессами: 1. Власть и государство делегировали кому-то часть своих силовых функций, которые не могли (или не хотели) выполнять сами (взимание налогов, торговые кампании, колонизация и пр.). Нормы и законность всегда относительны исторически, юридически и с точки зрения легитимности. 2. Соединение уголовного и революционного насилия в эпохи социальных потрясений. После победы революции это совпадение становилось основой силового сектора новой власти, социально-экономического уклада, государства. Социальной основой переворота могла быть только «тьень», в прежней жизни использовавшая уголовный мир как средство силового теневого арбитража. 3. В периоды социальной нестабильности государство допускает «насилие снизу» (неформальные структуры под контролем полиции, службы безопасности крупных и транснациональных корпораций) для выполнения задач, которые по политическим и/или иным причинам не может (не хочет) брать на себя. Оно может служить прикрытием для деятельности и операций спецслужб, а при необходимости и/или желании выдаваться за стихийные акции народа, общественности, «достойные сожаления», но объяснимые эксцессы в сложных социально-

политических обстоятельствах. Абсолютное большинство лидеров террора в свое время готовились спецслужбами государств для выполнения возложенных на эти службы задач. Затем они выходили из-под материнской опеки, переходили к другому нанимателю или пытались вести свою игру.

Третий аспект в последние 15–20 лет стал повседневной практикой. На этой основе складывается своеобразный «круговорот» государственных и частных, официальных и теневых, правовых и противозаконных форм насилия. Они могут и должны по-разному оцениваться с позиций действующих в данной стране и в данное время норм закона, морали, идеологии, политики. Но в совокупности и на значительной временной дистанции они обеспечивают протекание социально-исторического процесса.

Глобализация расширяет спрос на приватизированное насилие, которое может быть политически и/или психологически применено в интересах укрепления и продвижения политической глобализации против государства. Такова специфика современной фазы «круговорота» насилия в мире. Размывание роли государства — это перехват у государства его силовых функций и вынесение правового и политического арбитража по ним с внутригосударственного на глобальный уровень. Н.В. Косолапов требует поставить насилие и его использование под контроль гражданского общества [Косолапов 2004: 71–73].

Остаётся неясным, как это сделать. Видимо, здесь можно использовать различие между постмодернистским империализмом, природа которого вытекает из существующего добровольного империализма мировой экономики, и соседским империализмом, который отличается постоянным вмешательством в дела сопредельного государства [Фергюсон 2013: 492]. Вмешательство России в дела сопредельных государств уже зафиксировано конкретными исследованиями⁶. В результате информационная политика России сегодня построена на сознательной лжи о процессах круговорота насилия, роли в нем определённых государственных и частных институтов, инициаторов и исполнителей, конкретных лиц и т. п.

Зато вполне ясно, что родной дом государства порождает всеобщую преступность, которую Ханна Арендт назвала «банальностью зла». Речь идёт о том, что чем большее число индивидов участвует в делах государства в качестве членов властно-бюрократической иерархии и исполнителей ее указаний, тем более юристы избегают постановки и обсуждения «...самого взрывоопасного вопроса — вопроса о почти поголовном соучастии в преступлении всего народа, а не только тех его представителей, которые были членами нацистской партии» [Арендт 2008: 36]. Применительно к России и Германии XX века это значит, что феномен доносительства можно рассматривать в контексте дилеммы «коллаборационизм — сопротивление», причём коллаборантами люди становятся при сотрудничестве не с чужой, а со своей властью⁷. Возникающие при этом коллизии требуют объяснения доносительства в рамках общей политико-философской концепции.

⁶ Например, Р.Х. Симонян детально показал, что внешняя политика России в отношении стран Балтии — средоточие лжи и цинизма. Свидетельство объективности книги — не только академическая беспристрастность, но и тот факт, что некоторые прибалтийские политики оценивают книгу как «попытку восстановить СССР», а российские политики упрекают автора в том, что он писал книгу «под диктовку прибалтов» [Симонян 2005; о войне России с Грузией см.: Илларионов 2009: 189–387].

⁷ Этот вывод я обосновал в книге «Русская власть». Ее сжатое содержание см.: Макаренко 2010. Для развития такого подхода можно использовать результаты исследования М.И. Семиряги: «Ликвидировать коллаборационизм или, по крайней мере, свести его к минимуму можно лишь при условии, если воин будет считать общественный строй в своей стране справедливым, а его защиту рассматривать как свой первостепенный долг. Это первое условие для устранения коллаборационизма целиком зависит от господствующих политических сил в данной стране» [Семиряга 2000:10].

Мир без моральной ясности

Концепт современного мира как «мира без моральной ясности» принадлежит Н. Шаранскому. Л. Гудков на основе данного концепта показал, что частным случаем этого мира является Россия и господствующий в ней массовый цинизм. В общем виде цинизм — это установка на сознательную девальвацию всего, что может придать человеческим действиям надындивидуальную значимость. Рафинированный цинизм появляется как запаздывающая реакция на социальные изменения, которая фиксирует непреодолимость дистанции реального и значимого. Вульгарный цинизм — это ироническое отношение к тому, что считается или проявляет себя в качестве «высокого» и «принципиального». Суть современных российских проблем состоит в том, что власть стремится адаптировать и сохранить унаследованную от тоталитаризма институциональную систему, отказываясь от кардинальных реформ постсоветского государства. Накоплено множество свидетельств массового цинизма, характерного как для властей, так и для населения. «Возможная когда-нибудь типология цинизма, — пишет Л. Гудков, — должна строиться применительно к тому, какая социально-институциональная сфера общества была нагружена особыми ценностными значениями и в процессе изменений и почему именно эти изменения вызывали массовую реакцию разочарования и депрессии. В наших условиях циническая реакция... последовала на идеологические утопии и иллюзии, связанные с трансформациями властных отношений» [Гудков 2005].

Стало быть, изучение трансформаций властных отношений становится необходимым этапом анализа цинизма и вытекающей отсюда переоценки действий доносчиков. Для реализации этой задачи я реконструирую концепт политического цинизма Петера Слотердайка. Перечитывая «Критику цинического разума», я наткнулся на замечание, которое стало толчком для систематизации основных смыслов государственного цинизма⁸. Но для этого следовало бы написать особую статью. Я же пока отмечу, что в интервью Ханны Арендт с Гюнтером Гаусом высказано много идей [Арендт 1964]. Из них я буду развивать только идею о параллелях между убийцами и доносчиками. Эти параллели являются следствием множества феноменов, накопленных в политической истории. К ним относятся: героическая монархия; политическая идентичность; первичное и современное христианство; формы протофашизма; макиавеллизм. Данные темы я вынужден только обозначить как генеалогию (в смысле М. Фуко) государственного цинизма, а сейчас сконцентрируюсь на обобщении основных идей Слотердайка о современном государственном цинизме.

По его мнению, европейский фашизм и российский социализм — это поздние комплексные формы (или «пируэты») цинического сознания, которые приобрели господствующее значение в XX веке. Фашизм признает себя чистой политикой насилия, отказывается от

⁸ «Я начал писать эти заметки о цинизме, — пишет он, — ещё не ведая, что из них получится критика цинического разума, вскоре после того, как посмотрел по телевизору интервью еврейского философа и политолога Ханны Арендт, которое взял много лет назад Гюнтер Гаусс и которое повторяли в 1980 г. к пятилетней годовщине со дня ее смерти. Этот диалог, представляющий собою *недосягаемую вершину свободной беседы и философствования на публике*, а также один из немногих примеров интеллигентности на телеэкране, достиг своей кульминации, когда госпожа Арендт говорила о своей деятельности на Иерусалимском процессе над убийцей миллионов евреев Эйхманом. Нужно было слышать, как эта женщина уверяла, что при изучении многих тысяч страниц объёмистых протоколов допросов то и дело раздражалась громким смехом, который у нее вызывала *поразительная глупость*, распоряжавшаяся жизнью и смертью бесчисленных людей. В этом признании Ханны Арендт было нечто *фривольное и киническое* в самом точном смысле этого слова: это признание поначалу шокировало, но затем приходило понимание того, что оно выражает полную независимость в высказывании истины и оказывает воздействие на других. Когда госпожа Арендт вдобавок обронила замечание, что жизнь в изгнании иногда развлекала ее, потому что она была молода и могла в своем неведении импровизировать к собственному удовольствию, я тоже не смог удержаться от смеха, и с этого смеха *началась* эта книга» [Слотердайк 2009: 372; курсив везде мой. — В.М.].

собственной легитимации, открыто провозглашает жестокость и «священный эгоизм» как политическую необходимость и историко-биологический закон. Гитлер резко высказывался против парламентаризма, Версальского договора, социалистов, коммунистов, профсоюзных деятелей, анархистов, деятелей современного искусства, цыган, гомосексуалистов, но прежде всего против евреев. В чем причина этой уникальной враждебности? — ставит вопрос Слотердаjk.

Причина состоит в том, что фашизм — это надутое ничтожество, которое строило из себя героя. Евреи видели его насквозь, поскольку они иронично относились к любой власти. Антисемитизм выдаёт надлом в фашистской воле к власти; эта власть никогда не смогла бы быть настолько большой, чтобы преодолеть кинически-еврейское отрицание власти. «Ни одна воля к власти не выносит иронии воли, направленной на то, чтобы пережить и эту власть» [Слотердаjk 2009: 372].

Фашистское государство XX века представляет собой реализацию одной из скрытых возможностей народного государства. Фашизм выступает под лозунгом «Все для народа!», но полагает народ монолитом, гомогенной массой, которая повинуется одной-единственной воле («Один народ, один рейх, один фюрер»). Фашизм актуализирует склонность государства прибегать к «необходимому насилию» ради так называемого «общего интереса», который на деле определяется частью общества и противостоит интересам отдельных людей. В целом Слотердаjk определяет фашистское государство как цинизм цинизма, в котором переплетены капитал, идеология народной собственности, идеализм и жестокость.

Второй пируэт современного государственного цинизма демонстрирует новейшая история России. В его рамках Слотердаjk выделяет следующие константы: государство как смирительная рубашка; переосмысление роли Троцкого; квалификация русского народа; государственный аппарат; разрушение языка; оценка конфликта между СССР и США.

Государство как смирительная рубашка. Слотердаjk фиксирует зависимость между радикальностью социалистических движений и уровнем политического угнетения в стране. Чем сильнее в Европе становилось рабочее движение, тем более законопослушным оно становилось, тем больше верило в успех постепенного утверждения в борьбе с противниками. И наоборот: чем сильнее оказывалась деспотически-феодалная власть, тем с большим фанатизмом выступала против нее «социалистическая» оппозиция. На этой основе Слотердаjk формулирует два правила: чем больше страна созревала для интеграции элементов социализма в свой общественный порядок (высокое развитие производительных сил, высокая степень занятости среди работающих по найму, высокая степень организации «пролетарских» интересов), тем с большим спокойствием вожди рабочего движения ждали своего часа; чем более незрелым было общество для социализма, тем неуклоннее социализм стремился возглавлять революционные движения.

Но из логики борьбы вытекает закон: противники становятся всё более похожими друг на друга. Этот закон подтверждается примером конфликта между русскими коммунистами и царской деспотией. Слотердаjk предлагает рассматривать период между 1917 годом и XX съездом КПСС партии как цинически-ироническое завещание и наследие царизма. Ленин стал душеприказчиком деспотии, представители которой ушли в небытие, но не ушли в небытие ее способы действия и внутренние структуры. Сталин поднял деспотию на уровень техники XX века и затмил любого из Романовых. Уже при царях русское государство было тесной рубашкой для общества. Советское государство полностью превратилось в смирительную рубашку.

Переосмысление роли Троцкого в советской истории. По мнению Слотердаjka, Лев Троцкий является наследником древней традиции сопротивления. Убийство Сталиным Троцкого — это такая же циническая реплика власти, как и фашистский геноцид евреев. В обоих

случаях власть отомстила тому, кто никогда не будет ее уважать. Троцкий развил идею «перманентной революции» Маркса. В ней содержалось знание того, что политическая власть в каждую секунду вынуждена заново оправдывать свои действия, чтобы они отличались от действий преступных. Идея перманентной революции не есть призыв к непрерывному хаосу. Она просто скрывает политическую мудрость: любое государственное тщеславие будет преодолено благодаря тому, что воспоминания о его преступлениях не прекратятся, пока оно будет существовать.

Квалификация русского народа. Русское сопротивление до сих пор говорит на языке прав христианина и прав человека. Это значит, что процесс самоосвобождения в России до сих пор находится на той же стадии, на которой он остановился между Февралём и Октябрём 1917 года: на стадии требования соблюдать права человека — общей формуле, выражающей буржуазные свободы. Страна, которая хочет перескочить через «либеральную фазу», приземляется при прыжке от деспотии к социализму снова в деспотии. Русский народ дал превратить себя в инструмент для построения будущего, которое всё никак не желает наступать. После всего того, что произошло, это будущее никогда уже не сможет наступить в том виде, в каком оно было обещано. Он принёс в жертву свои права на жизнь и на разумные требования, соответствующие моменту, совершив акт православного мазохизма и испытав муки раскаяния, — принёс в жертву на потребительские алтари отдалённых поколений. Он растратил свои жизненные силы на погоню за безумным западным потребительством и западной военной технологией.

Советский государственный аппарат не имел за душой никакой идеологии, — констатирует Слотердаик. Между фразеологией ленинской традиции и повседневным опытом лежит пропасть. Реальность начинается там, где кончается государство и его терминология. Обычное понятие «ложь» больше не подходит к существующим в странах восточного блока состояниям незавершённой шизоидной диффузии реальности. Связь между «словами» и «вещами» нарушена, но это нарушение превратилось в новую норму. Люди определяются уже не с оглядкой на социалистические ценности и идеалы, а исходя из безальтернативности и безысходности данного в действительности. Советский «социализм» вместе со своей сияюще-истинной, но риторической стороной воспринимается и переносится как зло.

Разрушение языка. В истории о Великом инквизиторе у Достоевского описан переход цинизма в трагизм. Такой переход произошёл именно в СССР. Во всем мире слово «социализм» выражает надежду человека стать хозяином своей собственной жизни. В СССР оно превратилось в застывший символ безысходности и отсутствия перспектив. В СССР произошло циническое разрушение языка в эпохальных масштабах. Политика центральных властей не несёт в себе социалистической надежды. Под прикрытием марксистско-ленинской терминологии Восток проводит политику гегемонизма в чистом виде. «Стоит ли для того, чтобы защищать эту ложную инаковость, создавать величайшую в мире военную державу?» [Там же: 377] — такова реальная проблема, поставленная Слотердаиком.

Оценка конфликта между СССР и США. Что сказал бы Макиавелли в конце XX века? — вопрошает Слотердаик. По его мнению, Макиавелли дал бы цинический совет сверхдержавам: открыто признать свои системы полностью обанкротившимися по всем статьям. Макиавелли констатировал бы, что большую часть так называемых политических проблем 2000 года составят «иллюзорные проблемы», возникающие из противоречия между двумя блоками власти, которые противостоят друг другу по глупейшей причине: руководители СССР пытались создать общественную систему, которая вывела бы за рамки капитализма, но при этом не знали действительного капитализма; руководители США представляют собой «перезревший» капитализм, который не может перешагнуть через себя и выйти к чему-то новому, поскольку дом под названием «социализм» уже занят. Стало быть, состязание Востока

и Запада не является ни продуктивным соревнованием держав, ни классическим соперничеством в борьбе за гегемонию; это — совершенно бесплодный конфликт более сложного типа.

«Социализм» стал главным препятствием, не дающим капитализму перейти в социализм; «закосневший» капитализм Запада стал главным препятствием, мешающим восточным системам открыто присоединиться к капитализму. Восток выдаёт себя за социализм. Запад вынужден формулировать свое видение будущего оборонительно, прибегая к утверждениям, что он никоим образом не желает этого социализма. Ни одна система не может снова признать своей целью то, что она давно оставила в прошлом. Для капитализма не может быть идеей будущего замаскированный и изуродованный государственный капитализм восточного типа.

Выбитая из колеи история. Для разрешения конфликта Слотердаик предлагает глубже разобраться в этом типе конфликтов. Он соединяет теорию Макиавелли с идеями Маркса, который наметил первые подходы к Общей историко-политической Полемике. Эта Полемика позволяет различать: конфликты соперничества систем одного и того же вида; эволюционно обусловленные конфликты систем различного вида, которые отличаются друг от друга степенью развития. Во втором случае речь идёт о конфликте между менее развитой и более развитой системами. Идеальным примером конфликта второго типа является конфликт между капитализмом и социализмом. Он по логике вещей может быть только конфликтом преодоления, в котором старое противится новому. Новое становится необходимым, когда старое превращается в оковы. По мнению Маркса, такова суть полностью развитого капитализма: едва он достигнет полного развития, как сам станет препятствием для роста человеческой производительности, которому он доньше способствовал; это препятствие должно быть преодолено, а в итоге возникает социализм. Социализм освобождает человеческую продуктивность от границ капиталистических отношений собственности. Если мы теперь рассмотрим то, что изображается в области мировой политики как конфликт между капитализмом и социализмом, то сразу выяснится: это вовсе не тот конфликт между старым и новым, который исследовал Маркс, а конфликт соперничества между двумя империями. Новое возникает в процессе закручивания этого конфликта вокруг собственной социологической и исторической оси. Марксистская попытка управлять историей привела к тому, что все без исключения исторические перспективы будущего совершенно искажены. Притязания на управление историей систем вместо предоставления ей возможности идти своим ходом совершенно и в невиданных масштабах выбили историю из колеи. Как поставить ее на прежнюю колею? — неясно.

Ленинская фальсификация теории. В любом случае невозможно «подстегнуть» развитие на том основании, что ты изучил его взаимосвязи и взаимозависимости. Остаётся загадкой, по какому праву Ленин полагал, что Россия есть место, где можно применить марксистскую теорию развития и теорию революции. Загадка — не в подлинных мотивах, которые заставили Ленина совершить революцию. Загадка в том способе, каким он насильственно применил западную политэкономическую теорию к полуазиатской аграрной империи, в которой едва началась индустриализация. «Я думаю, — пишет Слотердаик, — вряд ли возможен иной ответ: здесь абсолютная воля к революции находилась в поиске более или менее подходящей теории, а там, где оказывалось, что теория не совсем подходит (за недостатком реальных предпосылок для ее применения), от желания применить ее во что бы то ни стало возникла необходимость фальсифицировать, перетолковать и исказить ее» [Там же: 380]. В руках Ленина марксизм стал теорией, легитимирующей попытку с помощью насилия заставить действительность развиваться в том направлении, на котором затем возникли бы предпосылки для применения теории Маркса. Как именно этого достичь? Путём форсированной индустриализации. Советский Союз по сей день ищет причины второй революции 1917 года. Он пыта-

ется «задним числом» создать необходимость социалистической революции и находится на наилучшем пути к ней. Если использовать формулировку Маркса, то в СССР, как ни в какой другой стране мира, производственные отношения стали тормозом для развития производительных сил. Если такое несоответствие есть общая формула, создающая противоречие, которое ведёт к революции, то здесь оно налицо в образцовом виде.

Слотердаик заканчивает свой анализ государственного цинизма констатацией абсурдности конфликта между двумя системами. То, что в современном международном положении является конфликтом внутри системы, абсурдным образом преподносится как конфликт между двумя системами. Этот внутренний конфликт, превращённый во внешний конфликт между системами, представляет собой главное препятствие для освобождения человеческой продуктивности. Так называемый конфликт мировых систем — это конфликт между двумя мистифицированными мистификаторами. Посредством параноидной гонки вооружений два реальных мнимых противника заставляют себя поддерживать воображаемое различие систем. Таким образом стороны взаимно парализуют друг друга. На деле происходит борьба за гегемонию. Два гиганта производства расходуют чудовищную долю произведённого обществом богатства на военное закрепление такого разграничения систем, которое в принципе неверно и не выдерживает никакой критики.

Макиавелли в конце XX века, рекомендовал бы системам объявить о своем полнейшем банкротстве. Именно такое объявление должно предшествовать разоружению. Системы заставляют вооружаться представление о фундаментальном противоречии между собой. Разрядка напряжённости через разоружение — одна из крайне опасных для жизни мистификаций, при которых всё видится шиворот-навыворот. Разрядка напряжённости может произойти только изнутри, как постижение того факта, что больше нечего терять, кроме ставшей невыносимой вооружённой иллюзии различия общественных систем.

Заключительные суждения

Прежде всего отмечу, что концепт государственного цинизма позволяет выйти за рамки затянувшегося спора между сторонниками теорий тоталитаризма и модернизации при изображении истории России в XX веке, поскольку Слотердаик формулирует такие темы исследования, которые могут быть операционализированы в аппарате и программах всего круга социальных наук. Все намеченные Слотердаиком темы и констатации подтверждаются целыми библиотеками литературы. Все они являются предметом дискуссии. Это значит, что идеи Слотердайка вводят в самый центр современных споров, помогают идентифицировать и объяснить личные и институциональные социальные роли и фигуры данных споров. Ни по одному вопросу здесь нет и не может быть общепринятых взглядов и казённых «мнений». Поэтому я предлагаю рассматривать феномен доноса в контексте множества нерешенных проблем XX века.

В любом случае, сотрудничество конкретных лиц и целых организаций с аппаратами насилия главных политических конкурентов XX века надо рассматривать в контексте истории, теории и практики государственного цинизма. С этой точки зрения «Критика цинического разума» может рассматриваться как программа междисциплинарного исследования всех аспектов сотрудничества индивидов с государством посредством доноса в сферах военного дела, государственной администрации, полиции, отношений между полами, медицины, религии и знания. Деятельность доносчиков в данных сферах не изучена и не систематизирована. Тем большую значимость приобретает постановка проблемы. Современная Россия даёт богатейший материал, позволяющий дополнить концепт Петера Слотердайка. Скажу только об идеологических сюжетах.

Если вернуться к началу статьи, то в состав современного государственного цинизма в России (или российской «духовности») входят «дешёвые благонамеренные поделки» (по удачной квалификации В.В. Бибикина) типа русского космизма, эстетики лада, русского мира, а также русская религиозная философия с идеями всеединства, софийности, православного энергетизма, «синергизма» и других продуктов панического сознания [Бибихин 2012: 29]. Среди них следует особо отметить концепты российского традиционализма и евразийства, популярные среди политического руководства России, высших армейских чинов, офицеров Службы внешней разведки и Федеральной службы безопасности. «Высших армейских чинов, — пишет М. Седжвик, — может характеризовать профессиональный интерес к геополитике, но в равной степени и профессиональная тенденция к упрощению. Примерно то же самое можно сказать о СВР, хотя там тенденция может быть обратной: не к упрощению, а к усложнению. ФСБ кое в чем отличается от этих организаций. Когда вознаграждение за работу в органах внутренней безопасности снизилось, и в финансовом смысле, и в смысле престижа, упал и профессиональный уровень офицеров ФСБ. Среди них сейчас найдётся не много интеллектуалов, зато очень многие лелеют полумистические представления о месте России в мире и своей собственной роли — возможно... в качестве компенсации за низкие заработки» [Седжвик 2014: 412–413; см. также: Беляков 2014]. Следует упомянуть также политику ностальгии по СССР, идеологию «особого пути» России, использование советско-германской войны для легитимизации нынешней власти в России, концепт «Новороссии» и т. п.

Вся эта дешёвка свидетельствует о глубоком провинциализме людей, занятых в данных сферах. Но она находит сбыт в качестве пропагандистского обеспечения внутри- и внешнеполитических акций нынешнего российского руководства и в этом смысле может рассматриваться как множество конкретных проявлений российского государственного цинизма в сфере идеологии. Требуется изучение и противодействие всей сфере политического и идеологического китча, включая способы его использования для обоснования государственного цинизма в сфере общих и профессиональных, политических и уголовных интересов и связанных с ними доносов.

Арендт Х. 1964. *Разговор с Гюнтером Гаусом. Телевизионное интервью Ханны Арендт* (октябрь 1964 года). — Доступно: <http://gefter.ru/archive/9844>. Проверено: 27.11.2014.

Арендт Х. 2008. *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*. — М.: Изд-во «Европа».

Беляков С.С. 2014. *Гумилев сын Гумилева: (биография Льва Гумилева)*. — М.: АСТ.

Бибихин В.В. 2012. *Собственность. Философия своего*. — СПб.: Наука.

Бовин А. 2003. *5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника)*. — М.: Захаров.

Бурдс Дж. 2005. «Москальки»: женщины-агенты и националистическое подполье на Западной Украине. 1944–1948 гг. — *Социальная история. Ежегодник 2004*. — М.: РОССПЭН.

Глушченко Е.А. 2010. *Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования*. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф.

Говоров И.В. 2004. Негласная агентура советской милиции в 1940-х годах. — *Вопросы истории*. — № 4.

Грибкаускас С. 2009. Деятельность КГБ на промышленных предприятиях Литвы в 1965–1985 годах. — *Социальная история. Ежегодник 2008*. — СПб.: Алетейя.

Гудков Л. 2005. Цинизм «непереходного» общества. — *Вестник общественного мнения*. — № 2(76). — Доступно: http://ecsocman.hse.ru/data/675/930/1219/06_gudkov_43-62.pdf. Проверено: 25.11.2014.

Игнатов В.Д. 2014. *Доносчики в истории России и СССР*. — М.: Вече.

Илларионов А. 2009. Российско-грузинская война. Документы и материалы. — *Континент*. — № 140.

Кислицын С.А., Кислицына И.Г. 2012. *История Ростовской области (от Земли Войска Донского до наших дней): Учебное пособие*. — Ростов-н/Д.: Изд-во «Ростовкнига».

Косолапов Н. 2004. Круговорот насилия в социальных структурах. — *МЭиМО*. — № 3.

Кревельд М. ван. 2006. *Расцвет и упадок государства*. — М.: ИРИСЭН.

Макаренко В.П. 2010. «Свой чужой»: концепт русской власти. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 2. Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2010.2/07.pdf>. Проверено: 12.12.2014.

Макаренко В.П. 2014. Внутренний шпионаж как элемент бюрократического управления государством. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 3. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2014.3/01.pdf>. Проверено: 12.12.2014.

Наумов Л.А. 2010. *Сталин и НКВД*. — М.: Новый хронограф.

Семиряга М.И. 2000. *Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны*. — М.: РОССПЭН.

Симонян Р.Х. 2005. *Россия и страны Балтии*. Изд.2-е. — М.: Институт социологии РАН.

Слотердаик П. 2009. *Критика цинического разума*. Пер. с нем. А. Перцева. — Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ Москва.

Сэдживик М. 2014. *Наперекор современному миру: традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века*. Пер. с англ. М. Маршака и А. Лазарева. Научн. ред. Б. Фаликова. — М.: Новое литературное обозрение.

Фергюсон Н. 2013. *Империя: чем современный мир обязан Британии*. Пер. с англ. К. Бандуровского. — М.: АСТ: CORPUS.

Шебаршин Л. 2002. *Рука Москвы*. — М.: ЭКСМО.